

Войско Польское и нашествие Наполеона на Россию

Война 1812 года была справедливой и освободительной для русского народа. Полякам она дала уникальную возможность восстановления польской государственности на литовских, белорусских и украинских землях. Никогда в империи Романовых за 1613-1917 гг. самопожертвование русской армии не было более высоким и массовым, чем в 1812 г., и ни одно союзно-вспомогательное войско в армии Наполеона не показало такой верности, как польское.

1812 год поднял неслыханный патриотизм как в России «За Веру, Царя и Отечество», так и в Польше за «Честь и Родину». Оба народа черпали силы в своих духовных и национально-державных идеях, соперничавших друг с другом. Защита православия, Отечества и белого царя была оправданием жизни и смерти русских воинов («Русским Богом, русским царем святая земля стоит»). Для поляков духовная мессианско-освободительная идея была сплавлена с держанной надеждой восстановления своего государства за Неманом и Бугом. В Польше разделы 1772, 1793, 1795 гг. воспринимались как национальное оскорбление и нарушение прав народов («Три деспота опозорили и растоптали ногами польский народ», — С. Сташиц). В России никто не сочувствовал восстановлению польского государства¹, отторжение громадных территории по праву силы тешило державное сознание, а историческая справедливость «воссоединении древлеправославных земель», скорее всего, не фигурировала на первом плане.

Русский культ «Помазанника Божьего» - царя соответствовал польскому культу «великого мессии» - Наполеона («За нас сам Бог, с Наполеоном он, а с нами — Наполеон»). Поляки верили в гений «посланника небес, героя, дивного в настоящие и грядущие века», «избавителя всего польского народа». Напротив, и России Наполеон соотносился с лжемессией, антихристом, новым Атиллой, корсиканским дьяволом или, по Г.Р. Державину, десятирогим (по числу примерно подсчитанных вторгнувшихся «народов») Люцифером, самым большим из рогов которого (по численности воинов был как раз польский². Страха перед «Наполеоном Карловичем» («ушастым сычем», «свиньей», «собачьим сыном») не было: «Погибнет он! Бог русский грянет, Россия будет спасена!»³

В отличие от Польши, где тема участия Войска Польского в 1812 года прекрасно разработана, в русской военно-исторической литературе нет специальных работ по союзно-вспомогательным войскам Наполеона. В данной статье рассматривается общий характер «польско-русской» войны 1812 года. Несмотря на разную численность, сопоставлять русскую военную силу с польской для 1812 г. вполне допустимо, ибо боеспособность последней определялась прежде всего громадой Великой армии.

Перед нашествием

Территория бывшей Речи Посполитой и польское культурное пространство, рассеченные с 1807 г. франко-русским рубезом по Неману и Бугу, где проходит январская изотерма, а также (с X в, и поныне) граница между западным и восточным славянством, была полем борьбы между Францией и Россией. Сверхдержава тогдашнего мира — Французская империя, с населением в 72 млн человек и с миллионной армией, для которой лишь Британия и Россия оставались единственными реальными соперниками, ставила целью мировое господство. Православная империя (с вдвое меньшим людским потенциалом, но с вооруженными силами тоже под миллион) была готова поглотить не только Княжество Варшавское, но и при возможности все, что лежало вплоть до линии Эльба — Венеция («Если поделить Европу, то следовало бы, чтобы справа Россия примыкала к Эльбе, слева - к Венеции» — говорил русский посол в Париже П. А. Толстой М. Нею в январе 1808 г.)⁴

С обеих сторон державные аппетиты облекались в «заботу» о Польше. Александр I, мечтавший соединить поляков и русских «светлой радугой союза» (В. А. Жуковский) намекал об автономии Западной Руси в рамках империи, об объявлении себя королем польским или великим князем литовским, допускал даже присоединения западных русских губерний к «польскому государству и обмен (пики не завоеванных Россией) Молдавии и Валахии на австрийскую Галицию»⁵.

Глава (с 1804 г.) российского Министерства иностранных дел, любимец императора, князя.

Адам Ежи Чарторыйжский (1770-1861) предлагал, собрав все польские земли под русской властью, оттеснить Французскую империю обратно Рейну и Альпам⁶.

В стратегических расчетах Наполеона России, Австрии и Пруссии всегда придавалось больше веса, чем Варшавскому княжеству которое рассматривалось прежде всего как источник ресурсов. В то время поляки надеялись на обретение Гданьского Поморья, Вармии, Белостока, Восточной Пруссии, Силезии, Западной и Восточной Галиции⁷, французский император считал возможным восстановить лишь зародыш польского государства, не желая портить отношения с Россией, Австрией и Пруссией. Ведя дипломатическую игру, Париж в 1809 и 1811 гг. сообщал в Петербург, что Королевство Польское никогда не будет восстановлено, слова «польский» и «Польша» должны навсегда исчезнуть из публичных актов⁸.

Даже перед самым нашествием на Россию Наполеон, «не вполне доверяя полякам, не веря в их способность к созидательной государственной деятельности, притом, желая щадить австрийцев, не отказавшихся еще формально от Галиции, и не желая ставить чересчур больших препятствий для будущего мира с Россией, он не знал еще, до каких размеров ему придется довести дело освобождения Польши... пока требовал только вызвать в поляках воинственный порыв во имя рисуемого в тумане идеала и вместе с тем ввести среди них хоть немного порядка, единения и дисциплины, и на первое время заставить эту непоседливую нацию идти кучно и единодушно к намеченной цели»⁹.

В коренной Польше ясно сознавали, что французо-русский договор в Тильзите 25 июня/7 июля 1807 г, и Венский договор 2/14 октября 1809 г. с Австрией ущербны для польского дела, что Наполеон в качестве отступного отдал России Тарнопольский и Белостокский округа, и тем не менее по природе своей восьмивековой «западной» цивилизации, по выгодам от перспективного и динамичного капитализма Франции и по сумме национальных унижений от России в XVIII в. шли за Наполеоном.

Русская власть в 1795—1815 гг. не распространялась на ядро польского народа, в бассейн Вислы, где национальное ущемление от нее воспринималось всего острее. Но чтобы уменьшить вероятность отторжения новоприобретенных с 1772 г. восьми западных губерний, Петербург давал знать полякам, что он может быть лучшим опекуном шляхетских интересов, чем бывшая Речь Посполитая. В Литве, Белоруссии и на Украине польское дворянство получило права русского. В отличие от Пруссии и Австрии, где развертывалась германизация, в западных губерниях России шляхта занимала более привилегированное положение, польский язык удержался в системе образования, в администрации сохранились остатки шляхетского самоуправления¹⁰.

Некоторые из польских магнатов перебирались через Неман в российские владения. Поляки были губернаторами в западных губерниях, заседали в русском Сенате. Петербург оказался одним из центров польской аристократии. Шляхетские отпрыски зачислялись в кадетские корпуса, а знатнейшие — в привилегированный Пажеский корпус, откуда шла прямая дорога в гвардию. Польское чиновничество и офицерство вращалось в государственный аппарат России. Можно высказать предположение (которое требует доказательств, выходящих рамки темы), что там, где основным населением были литовцы, белорусы и украинцы, менталитет местной полонизированной шляхты был другим. На исторических православных землях, в восточно-славянском море поляки, в отличие от тех, которые жили в коренной Польше, могли бы считаться по аналогии с «фольксдойче – фольксполен».

Еще при «добродетеле поляков» Павле I, освободившем 10 декабря 1796 г. участников восстания Т. Костюшко и вернувшем им имения, многие из них пошли на русскую службу. Некоторые из аристократов высказывались что «незасорно стать россиянином»¹¹.

Раздвоенность польской государственной идеи между Францией и Россией разделил польские вооруженные силы. Поляков, русских подданных, также как остзейцев, кавказцев и вообще иностранцев, на службу в русскую армию привлекало прежде всего ее могущество. (В армию княжества Варшавского в 1808-1809 гг. перешло много офицеров-поляков из прусской и австрийской армий после их поражения от Наполеона, и очень мало из русской армии.)¹²

В русскую армию польские офицеры принимались тем же чином, который они имели в польских вооруженных силах. Доля офицеров польского происхождения в русской армии в 1812 г., по подсчетам Д. Г. Целорунго, составляла 3,4—3,5%, т.е. около шести сотен офицеров из 17139 человек русского офицерского корпуса¹³. В Польском и Литовском уланских полках, а также в Гродненском гусарском служило много поляков. До 1814 г. среди генералов русской службы 14

были польского происхождения¹⁴, из которых наиболее; интересными были А. П. Ожаровский, Е. И. Чаплиц, К.А. Крейц; и др.

Становление армии княжества Варшавского проходило трудно. Общий тезис о ее «исключительно высоком качестве»¹⁵ следовало бы развести по рубрикам: «боеготовность», «боеспособность», «боевой дух».

При равной природной храбрости поляков и русских в Польше признавалась неравноценность профессионализма и векового опыта русской армии по сравнению с польской. На фоне насквозь победного российского вел сколе ржавил новая регулярная польская армия стала утверждаться и времен польских легионов в Италии с 1796-1797 гг.¹⁶, и особенно с ноября 1806 г., когда генерал Я.Г. Домбровский (1755-1813) поднял восстание в Великопольше. Польским частям, сформированным в Италии, французское Командование не доверяло распыляло по своим дивизиям, назначало в них французских и итальянских офицеров, перебрасывало польскую артиллерию к французской и итальянской.

Польские легионы использовались предпочтительно на пленных и отвлекающих операциях, а также при осадах городов¹⁷.

Боеготовность Войска Польского в 1812 г. поднялась бы высший уровень, если бы его возглавил Тадеуш Костюшко (1746 – 1817), но самым любимым и авторитетным вождем-республиканец, который вдохновил бы поляков как М.И. Кутузов русских, отказался иметь дело с «французским деспотом». Соперничество и зависть между польскими генералами М. Сокольниковым, К. Зайончком, Я.Г. Домбровским, Ю. Понятовским и другими были не меньшими, чем среди русских. Оптимальным было бы назначение какого-нибудь опытного французского маршала или мастера «малой войны», волевого и храброго профессионала Домбровского, служившего в 1770-1792 гг. в саксонской кавалерии. Однако он был таким же республиканцем, как Костюшко, и критично относился к Наполеону. Бонапарт остановился на князе Юзефе Понятовском (1763-1813) – блестящем аристократе, который в молодости был центром варшавской золотой молодежи. В глазах польского общества имело значение его родство с последним польским королем Станиславом Августом и французским королем Людовиком XV. (В 1809 г. ходили слухи, что ему суждена корона Польши после того, как австрийцы обещали это в обмен за отступление от Наполеона.) Храбрый и искусный наездник, великодушный и щедрый, «князь Пепи» был воплощением польского национального характера, и после кампании 1809, 1812 и 1813 гг. стал национальным героем Польши наряду с Наполеоном, Костюшко и Домбровским.

С ноября 1806 г. генерал Домбровский спешно, без врачебных осмотров, почти не обучая, собирал новобранцев, чтобы как можно скорее предоставить их в распоряжение Бонапарта. Включаемые в войско пленные поляки австрийской армии, не горевшие желанием биться против «цесаря», пытались дезертировать в австрийскую Галицию. Из-за нехватки кадров, особенно с боевым опытом, принимались унтер-офицеры бывшей прусской службы и немецкие колонисты, в подпоручики производились крестьянские парни после 3-4 недель обучения по французскому уставу 1791 г. Собирались поднять даже средневековое шляхетское ополчение («посполитое рушение»), однако смотры «рыцарства польского» в количестве 2840 человек, приносившего присягу на булаве польского коронного гетмана С. Чарнецкого (1599—1665) и сабле польского короля Яна III Собесского (1629-1696), показали его нулевую боеготовность, и оно было распущено¹⁸.

И тем не менее при немислимых трудностях, под кураторством маршала Л.-Н. Даву был сколочен костяк польского офицерского корпуса, сословная часть которого была не ниже, чем у русского.

Боевой опыт Войска Польское обретало в боях у Тчева, Грудзенжа и Гданьска в 1807 г., где поначалу плохо вооруженная польская кавалерия участвовала в основном в разведывательных операциях, а Наполеон замечал, что «поляки не привыкли к огню»¹⁹. Под Фридрихсдорфом 2/14 июня 1807 г. против русских сражалось всего два польских полка конных егерей и часть 6-го уланского полка. Отставшая на марше пехота, увлекшись грабежом, не поспела к сражению²⁰.

В 1808 г. семь пехотных полков (под названием легион Висла) и три кавалерийских полка Наполеон послал в Испанию, где они установили в двенадцати сражениях от Сарагосы до Малаги.

Весной 1809 г. 60-тысячное Войска Польское с разнокалиберным оружием, одетое в кафтаны и сермяги, воевало с австрийцами, разбило их 7/19 апреля 1809 г. у Рашина под Варшавой, а 23-24 июня/5-6 июля 1809 г. польские уланы бились с уланами-поляками австрийском службы под Ваграмом.

К 1812 г. большая часть Войска Польского не была спаяна в однородное целое, не имело общих уставных порядков, на каждый десяток солдат приходилось четыре новобранца²¹.

По русским агентурным данным, «войска герцогства Варшавского по наружному красиво и хорошо одеты, офицеры же по большей части вовсе не несведущи и неопытны. Из числа генералов более всех армией и публикой уважаем генерал Домбровский, но он склонность к военной службе потерял... и притом с князем Понятовским не имеет с давнего времени никакого согласия. Понятовским носи; одно имя, ничем не занимается и, будто бы, по мнению публики, никаких способностей не имеет»²².

Уланы с разным и зачастую дефектным оружием, с короткими пиками, в поношенных мундирах на крестьянских конях с дефектной сбруей, умели выполнять лишь простые перестроения. Большинство командиров польских эскадронов имели возраст до 30 лет²³. Рекруты., бывало прикрытые мешковиной, садясь в седло, забывали то шапку, то котелок, то даже саблю²⁴.

Вместе с тем современники отмечали, что природные боевые качества делали поляков потенциально хорошими солдатами²⁵. «Потомки сарматского племени» больше любили верховую езду и лучше, чем французы, обращались с конями (сумев довести от Москвы до Варшавы в 1812 г. 30 своих пушек).

Польские уланы, владевшие пикой лучше французов и австрийцев, были взяты за образец при формировании русских, французских и австрийских уланских полков.

От французов Войско Польское переняло отношения братства между офицерами и солдатами (сержанты, капралы и рядовые получали знаки отличия, чего не было в прежней Речи Посполитой). Рядовых учили истории Польши, грамоте, имена отличившихся вносили в «Книгу добродетели и отваги». Как писал Домбровский, рекруты знали, что их добром, а не палкой, как в немецкой и московской службе, будут воспитывать²⁶.

Одним из важнейших факторов боеспособности польских и русских воинов был боевой дух.

Вряд ли можно отрицать, что над поляками (как над русскими после поражений от поляков в начале XVII в., как над пруссаками после Йены и Ауэрштедта вплоть до 1813 г.) не довлекла память о тяжелых ударах от «северного колосса» в XVIII в., в том числе память о почти полном уничтожении русскими штыками легиона Я.Г. Домбровского в битвах при Треббии и Нови в 1799г.²⁷

В России уже давно, с 1689 г. (с года падения царевны Софьи и В.В. Голицына), отошли от «государственного полонофильства», когда в поляках видели учителей. С Петра Великого в Петербурге привыкли смотреть на Речь Посполитую как на протекторат, частое пребывание русских войск на польских землях сформировало у дворян (и солдат) имперское пренебрежение и иронию к «хвастливым сарматам-пустословам» (Ф.Н. Глинка), а также убеждение, что можно обрусить Польшу²⁸.

Расцвет Российской феодальной империи сопровождался взлетом военно-государственного патриотизма и неугасшим стремлением по-суворовски наносить противнику максимальный урон «быстротой и натиском».

Несмотря на то что барчуки-офицеры «били солдат мучительно и продавала солдатский провиант, считая роту за деревню», несмотря на то что бешеный генерал М.Ф. Каменский (1738-1809) кусал солдат, отрывая зубами мясо, русская армия по стойкости и закаленности была вне конкуренции и по праву делила с французской славу лучшей армии мира²⁹.

Солдаты считали, что царская власть исполняет Божью волю и миссию расширения Православного царства. Религиозные обряды, в том числе частые посты, строго соблюдались. С настроением «никто в мире не одолеет русских» линейная пехота ходила в атаки, забыв о лихоимстве и рукоприкладстве начальства. Офицеры первыми подставляли грудь под свинец, ни в одной армии мира не пели тогда больше, чем в русской — с присвистом, притопом и бубнами. Польские солдаты-современники признавали, что по выносливости и дисциплине русская армия, превышая французскую, далеко опережала польскую, а русский солдат, хотя «просто машина по умственным способностям», но при религиозном фанатизме и «национальной гордости» его не легко деморализовать³⁰.

Пренебрежительное отношение русских к полякам (и обратно) поддерживалось народными стереотипами. Оскорбительные и враждебные прозвища «псы-собаки», «нехристи» ходили как среди восточных славян, по отношению к полякам, так и среди поляков по отношению к русским. Русские мужики и бабы, которым случалось в 1812 г., конвоировать пленных, были уверены, что французы (и поляки) совсем иные создания³¹.

Польский боевой дух усиливали три фактора. Как известно, все войны поляков с Россией в 1704-1714, 1733, 1768-1772, 1792, 1794, 1799, 1807 гг. совпали с польско-французским братством по оружию, но никогда за всю историю поляки не имели более могучего покровителя, как в 1812 г. «Плечом к плечу с величайшей нацией мира», в рядах «неисчислимой Великой армии», принадлежность к которой сама по себе уже составляла честь и славу, поляки обрели мощную моральную силу. Значительную часть польского напора в сражениях при Сомосьере, Смоленске, Бородино следует отнести за счет сверхчеловеческой вдохновляющей способности Наполеона и окружающего боевого духа французской армии. Большинство Войска Польского было уверено в неизбежном крахе России и в гении Бонапарта, который раздавит врагов Отчизны и римской веры.

Вторым фактором была сила ненависти к восточному соседу. «Триумф зла» — разделы 1772, 1793, 1795 гг. сделали именно «палача-Россию», а не Австрию и Пруссию врагом номер один³².

«Поляки были в отчаянии, что подпали под иго презираемых ими врагов, но не смели обнаруживать своей злобы, тем более, что не предвиделось скорого освобождения... каждое слово на этом ненавистном языке приводило их в гнев и, несмотря на все эти поводы к презрению, к ненависти и отвращению, каждый скрывал свои мысли под личиною лести и любезности»³³.

Один на один с русскими польские офицеры (также как горцы Кавказа и турки) не чувствовали никакой ущербности, и при случае задирались на поединки, как это было в 1809г. Тогда Войско Польское откровенно демонстрировало чувство превосходства к «союзной» тогда русской армии. «Наглость варшавских войск выходит из границ. Обоюдная ненависть друг к другу царствует не только между офицерами, но и между нижними чинами обеих армий. Не могу изъяснить вашему Величеству всех унижений, которые войска Ваши от Варшавцев переносить должны», — писал князь С.Ф. Голицын Александру³⁴.

Третьим фактором было осознание культурного, исторического и военного превосходства польской «Франции Севера» на «варварами, Севера»³⁵. Зная о низкой оценке русскими польской боеспособности («русские столько лет пренебрегали Польским войском»), поляки именовали русскую армию «дикой ордой»³⁶, даже находясь в плену после войны 1812 года, польские военнослужащие не принимали личину «щерамыжников» и «были дерзки до того, что многих побили за шалости»³⁷.

Учитывая вышесказанное, можно удивляться, как при слабой боеготовности (выучке, дисциплине и малом боевом опыте) Войско Польское показало достойную, если не сказать высокую боеспособность под Миром, Смоленском, Бородино, Малоярославцем, Красным и Студянкой. Польская мессианская идея освобождения и патриотизм, французская поддержка, потенциал державной ненависти к «восточному палачу» и чувство превосходства над ним перекрыли последствие поражения от России в XVIII в. Наполеон был несправедлив, критикуя (и, видимо, сопоставляя с патриотическим подъемом во Франции в 1792-1793 гг.) польский боевой дух и вклад поляков в кампанию 1812 года (см. ниже).

Княжество Варшавское перед нашествием

Положение 4-миллионного княжества Варшавского весной 1812 г. было тяжелым. Неурожай 1811 г., дефицит торгового баланса из-за континентальной блокады, содержание огромной массы французских и своих войск, спешное сооружение громадной крепости Модлина и фортификация варшавской Праги, Замостья и Торуни при развале хозяйства – все это быстро подвигало его к полной разрухе. «Вестфальский король Жером Бонапарт отдал герцогство Варшавское на разграбление войскам» (А. Колснкур). Мародерства, зверства французов к польским крестьянам вызывали слезы, жалобы и проклятья со всех сторон³⁸.

Однако при всех эксцессах Великая армия принесла в Польшу бесценный дар — чувство непобедимости. С высоты плеч великана Войско Польское могло смотреть на русскую армию сверху вниз: «На Немане польские уланы, отважно и гордо рисуясь на конях, показывая удалство и отвагу, казались, вызывали на бой русские пикеты»³⁹.

Чувство военного превосходства ослепило подавляющее большинство в княжестве Варшавском, и предостережения о подорванной экономике Польши, о суровости русского климата, судьбе Карла XII оставались единичными. Осторожны в отношении перспектив войны были военные профессионалы – Домбровский и Понятовский. (Домбровский предлагал уговорить Наполеона оставить все польские части, не входившие в состав польского V корпуса, в гарнизонах княжества Варшавского⁴⁰.)

Перед нашествием 1812 года более активной, чем русская, оказалась французская и польская агитация, разворачивавшаяся под лозунгами «Европа — либо французская, либо казацкая», «Наполеон несет свободу Польше и русским рабам».

На основе опуса 1797 г. М. Сокольниковского с 1811 г. распространили большими тиражами фальшивые «Завещание Петра Великого» о завоевании Россией мирового господства и такие же фальшивые «приказы» Александра I «не щадить никого из поляков, даже младенцев при грудях матери»⁴¹.

Пригасив польские планы на возврат земель, захваченных «союзными» Австрией и Пруссией, французская пропаганда «оживляла» поляков восточной надеждой. Польская публицистика, естественно, писала о мужестве «исторических владык Восточной Европы Ходкевичах, Жолкевских, Собеских. «Трепет» всей России от «великого мстителя за Польшу» сравнивался с русским страхом от Ольгерда (1296-1377), Витова (1352-1430), Стефана Батория (1533-1586), Сигизмунда III Вазы (1566-1632). Ради поддержки боевого духа русская тирания противопоставлялась польским свободам: «Кровавая политика Москвы истребляет польское и литовское племя», «борьба идет за освобождение от деспотизма и ига рабства, за единое и неделимое Отечество Польши и Литвы»⁴².

Российские контракции выглядели бледнее. От плана вырвать польский плацдарм у Наполеона военной силой путем превентивного вторжения отказались и перешли к дипломатическим акциям. В конце мая 1812 г. Александр I поручил составить манифест о восстановлении Польского королевства.

Русский император тешил себя утопией, что переход поляков на его сторону повлечет переход немцев и шведов⁴³. На фоне громкого авторитета Бонапарта политический вес Александра I и русофильской парит и княжестве Варшавском сходил на нет. Можно было предвидеть, что тайная попытка, предпринятая по инициативе А.Е. Чарторыжского, в конце июня 1812 г. переманить Понятовского со всем Войском Польским на сторону России окажется пустой затеей. Когда генерал-квартирмейстер 1-й Западной армии К.Ф. Толь предложил Понятовскому оставить Наполеона и занять высший пост в «русском» Королевстве Польском, тот, хотя и не известил своего патрона, но принять предложение отказался⁴⁴.

Синодальная анафема русской церкви Наполеону в 1812 г., как и в 1806 г., не имела значения ни для французов, ни для Польши. С большим запозданием, только 21 июня по старому стилю, было издано распоряжение о недопущении «зловредных прокламаций» из-за границы.

Сформировать для привлечения поляков (по примеру Наполеона) польскую армию, гвардию или Российско-польский легион (по замыслу бывшего легионера, шефа русской разведки в Белостоке полковника Ю. Турского⁴⁵) было опасно и невозможно из-за малого количества польского податного населения в Западном крае. Польский, Татарский литовский (сформированные в 1797 г.) и Литовский конные полки остались только национальными формированиями русской армии, наряду с башкирскими, калмыцкими, крымско-татарскими и другими полками.

Весной 1812 г. Бонапарт предписал создать общепольскую Генеральную конфедерацию (Верховный совет вооруженной нации), «взвинтить патриотизм до экстаза» и поднять восстание на всей бывшей территории Речи Посполитой, где, как считали поляки, 16 млн поднимутся за французского императора⁴⁶. Предполагалось, что по мере продвижения на восток Войско Польское будет расти, как снежный ком.

12/24 июня 1812 г. началась война «континента Европы» против «континента России». 47,8% состава Великой армии не были французами. Польская печать писала, что ради Польши Наполеон созвал все народы Европы в крестовый поход⁴⁷. Однако саксонцы, баварцы, вестфальцы и другие, признавая авторитет французского императора, таили в душе немецкий патриотизм и неприязнь к французам. Австрийцы в группировке австрийского фельдмаршала К. Ф. Шварценберга в Галиции (26 тыс. австрийцев, 9 тыс. саксонцев и 5,6 тыс. поляков) не сочувствовали расширению польских границ на восток. Пруссаки шли против русских с «угрюмыми лицами». Немецкие войска «никогда не выступали в поход с таким неудовольствием, как в сей раз, по собственному признанию офицеров»⁴⁸.

«Всюду умы взвинчены, всюду ожесточение... Если кампания будет для нас несчастлива... все от Рейна до Сибири поднимутся против нас», — писал французский генерал Ж. Рапп⁴⁹. (В качестве контрпропаганды русское командование объясняло своим солдатам, «что все войска

неприятельские не иначе, что как сволочь со всего света. Мы же русские и единоверные... Они храбро драться не могут, особливо же боятся нашего штыка»⁵⁰.)

16/28 июня в день радости и торжества воссоединения польского народа а одно целое Варшавский сейм провозгласил себя Генеральной конфедерацией. Как и в России, где общим настроением было «умрем свободными в свободном Отечестве», польские магнаты и состоятельная шляхта вооружали, одевали рекрут, жертвовали оружие, коней, одежду, серебро, ячмень и рожь. Польские шляхтянки, как и русские дворянки, щипали корпию, жертвовали украшения и призывали юношей идти на войну.

Энергия французского командования и польский энтузиазм позволили маленькому княжеству Варшавскому мобилизовать (вместе с милиционными формированиями) до 100 тыс. человек. Такое количество поляки не выставляли за всю свою историю, начиная с X в. (Всего за время наполеоновской эпохи Польша выставила 207500 человек, заняв третье место после немцев — 500 тыс. и итальянцев — 217432 человек). В Великой армии Польское войско было самым крупным — 54549 человек. В иностранных полках французской службы состояло еще 4850 поляков⁵¹. В V польском корпусе Ю. Понятовского на 18/30 июня числилось 32159 человек пехоты и 4152 человек кавалерии⁵².

«Меч погибели висит на головах виновников наших несчастий!», «Бог этого хочет!» — с таким настроением начинался польский поход на восток.

Наполеоновская Польша и земли бывшего Великого княжества Литовского

Устаревшие стереотипы, распространенные в княжестве Варшавском, о «великой и могучей семье Речи Посполитой», о «старопольском духе литвинов» ввели в заблуждение французское командование, которому, после марша по территории Литвы и Белоруссии, пришлось констатировать: «тут уже нет поляков, этот край не польский»⁵³. К 1812 г. земли Великого княжества Литовского (с населением 2,5-3,5 млн. человек) лишь условно могли считаться польским краем. Варшавский пан-полонизм не предусматривал сохранения автономии и прав для Литвы⁵⁴. Среди «литовских» аристократов, опасавшихся освобождения. Наполеоном крепостных, «английская» (прорусская) партия — Л. Плятер, К. Друцкий-Любецкий, А. Сулистровский, Т. Вавжецкий⁵⁵ — была не слабее профранцузской. М.К. Огинский (1765-1833), автор знаменитого полонеза «Прощание с Родиной», был автором плана восстановления Литвы пол скипетром царя⁵⁶. 19 июня/1 июля Наполеон составил приказ о формировании Временного правительства Великого княжества Литовского, однако оно не объявило сразу после ухода русских Литву отделившейся от России и не высказалось определенно о восстановлении Польского королевства⁵⁷. Никакой «польской измены», а тем более «Варфоломеевской ночи для русских», о которой ходили слухи, на Виленщине не произошло.

Подцензурная французам печать писала о «восторге и счастье» встреч с избавителями (отчего один помещик в Вильно, якобы «умер от радости») В Минске под ноги маршала Л.-Н. Даву стелили цеховые знамена и бросали цветы⁵⁸.

Цветы от шляхтянок, крики «ура, виват!» были, но «великого и непобедимого» Наполеона в столице Гедимины, возможно, встречали скромнее, чем Александра I 14/26 апреля 1812 г.⁵⁹

«Наш полк шел в параде с музыкой во главе, но я не видел следов радости от нашего появления. Улицы почти пустые, дома и лавки закрыты, немного молодежи на улицах и несколько сорванцов бегало вокруг наших коней, крича «виват!». Осторожность и боязнь жителей окатила нас горечью... фуражиры в пустых хатах крали и уничтожали все, что там было», — так писал А. Розвадовский, поручик 8-го уланского полка, который первым вступил в Вильно⁶⁰.

Набор рекрутов в возрасте от 17 до 34 лет (на срок 6 лет) в полки был практически сорван. Как и русские помещики, землевладельцы Литвы избавлялись от самых негодных, и офицеры, сами не обладавшие высоким военным профессионализмом, расталкивали их по разным полкам. Литовское войско почти не участвовало во «второй польской войне». Не спешили «литвины» вступать ни в команды егерей, ни в национальную гвардию, ни в жандармерию. 11 ноября 1813 г. из 19-тысячного Войска Литовского более или менее сформированным считался 3-й легкоконный полк императорской гвардии «из шляхетской и университетской молодежи Литвы» под командованием кавалера ордена Почетного легиона (за Фридрихланд) полковника Я. Конопки⁶¹.

Новобранцы разбежались из уланских полков. Из литовских татар под польские знамена сел на коней всего один эскадрон вместо запланированного полка. Задумка Бонапарта «вдохнуть польский дух» на Виленщине тремя польскими полками 28-й дивизии IX корпуса, возвращенными

из Испании, или показом русских трофеев и пленных⁶² (которых не было) не привела бы к положительному результату.

Неблагоприятным для французов и для польской идеи был настрой многонационального населения на землях бывшего княжества Литовского,

Если до войны русское командование получало сведения, что польские «помещики с состоянием» опасаются вторжения французов, а мелкая шляхта желает «восстановления польского края»⁶³ то после ее начала все стало по-другому. Вместо «свободы Литвы и русским рабам» Великая армия несла грабеж и разорение, ведя себя в «дружественной стране хуже неприятелей» (А. Коленкур). Полковые повозки вместо провианта грузились награбленным столовым добром и другим имуществом. Солдаты выламывали двери и окна, крушили мебель, увечили жителей, обкрадывали костелы, забирали скот и травили посевы, скармливая незрелые хлеба лошадям (что вызвало их массовым падеж). Только «небо и землю» оставляла после себя армия нашествия. Грабежи в Литве среди низов литовской столицы вызвали такое озлобление, которое через 5 месяцев (после ухода французского арьергарда и до прихода русских) обернулось безжалостным умерщвлением больных, обмороженных и раненых французов⁶⁴.

В Белоруссии многие помещики уходили от «освободителей» вместе с русской армией, оставшиеся срывали поставки скота, сена и соломы и им грозили посылкой команд. Белорусские крестьяне зарывали провиант, угоняли скот, бежали в Полесье, убивали французских мародеров или, следуя их примеру, палили и грабили усадьбы. От своих сородичей укрывалась даже мелкая шляхта. Такое противодействие перекрыло организованные Л.-Н. Даву и Ю. Понятовским слабые разведывательные акции вооруженных пиками местных конфедератов а сторону Смоленска и сбор ими провианта⁶⁵.

Ни православными, ни протестантами-остзейцами, ни иудеями поход Великой армии и поляков не воспринимался освободительным. Надежд на массовую поддержку конфедератов на Волыни, Подолии и Украине тоже не было. В занятых австрийскими, саксонскими и польскими войсками Ковельском, Владимирском, Луцком и части Дубенского поветов только часть польских помещиков «предались на сторону неприятелей и, участвуя с ними в грабежах и разорениях, превзошли даже его в жестокости». Другие же польские дворяне «делали разные приношения на пользу Отечества»⁶⁶.

Рядом, и австрийской Галиции, крестьяне бунтовали против польских господ, молились за победу «русских братьев» и встречали хлебом – солью русские отряды, заходившие в австрийские владения. Двухмиллионное русинское население Галиции желало достаться России⁶⁷.

Еврейское население западных губерний, хотя и не разбегалось, подобно славянам из местечек и снабжало за деньги французов информацией о русской армии и продовольствием, но не сочувствовало завоевателям.

«Мы не могли достаточно нахвалиться усердием и привязанностью, которые высказывали нам евреи, заслуживавшие тем большей похвалы, что они должны были опасаться мщения французов и населения. Но они еще больше опасались возвращения польского правительства, при котором подвергались всевозможным несправедливостям и насилиям и горячо желали успеха нашему оружию и помогали нам, рискуя своей жизнью и даже своим стоянием»⁶⁸.

Верны присяге остались и поляки, русской службы; продиктованный Наполеоном и опубликованный в «Литовском курьере» призыв Генеральной конфедерации 25 июня/7 июля «сорвать подлые мундиры, отомстить кровью за унижение Отчизны и плечом к плечу с цивилизованными народами навечно возвести нерушимую стену против азиатской дичи»⁶⁹ — повис в воздухе. Случаи перехода к неприятелю поляков русской службы были единичны, многие из них получили за храбрость российские награды. Самым крупным был переход нескольких десятков кавалеристов Польского уланского полка полковника А. И. Гурьева 3/15 июня 1812 г. под Витебском⁷⁰.

Поляка в наступательных, боях с русской армией

Первые крупные бои 1812 года были русско-польскими кавалерийскими. Надежды французского императора сковать 2-ю Западную армию 78-тысячной группировкой своего брата, вестфальского короля Жерома Бонапарта, и при содействии польской конницы захлопнуть П.И. Багратиона в ловушке не оправдались. В то время как полки I корпуса маршала Л.-Н. Даву шли, на восток «легко, как на танцы», поляков «охватывал стыд»⁷¹. Ю. Понятовский 26 июня/8 июля оправдывал свою неспешность и растянутость колонн невыплатой жалованья, нехваткой

провианта и слабостью новобранцев. Раздраженный Наполеон, чтобы подстегнуть рвение, упрекал князя и Войско Польское в недостатке энтузиазма и даже счел возможным сказать адъютанту Понятовского оскорбительное: «Ваш князь предатель!»⁷² Удивительно, как при знакомстве с климатом, жарой, сыростью и грубой пищей (польские желудки принимали черный хлеб, ржаные сухари и, видимо, кислые щи, «один запах которых внушал французам отвращение») польские потери отставшими, больными и дезертирами с 13/25 июня по 22 июля/3 августа оказались, в полтора раза выше французских и немецких. Дивизия Ю. Зайончка из 11 569 человек потеряла 4 999 человек (43,2%), дивизия Каменецкого из 9059 потеряла 3 920 (43,3%). Французы теряли 25-30%. Больше поляков потеряла только итальянская дивизия Пино — 53,5%. V корпус Ю. Понятовского к 22 июля /3 августа уменьшился на треть — до 22 738 человек⁷³. Четырехтысячный легион Висла на пути от Немана сократился на 726 человек — больше, чем на пути от Испании до Польши. Ослабевшие от цинги и дизентерии польские солдаты «шатались как мухи». Дисциплина и выправка желали лучшего. («Нам нужна железная рука, чтобы сделать из нас хороших солдат и удержать нас повиновении»⁷⁴.)

Наоборот, русских (отставших, дезертиров и пленных) было очень мало, вопреки польской пропаганде, вешавшей, что все дороги забиты русскими дезертирами⁷⁵.

Не на высоком уровне оказались польские «глаза и уши» Великой армии — военная разведка и штабные офицеры при корпусных и дивизионных штабах, которые, зная русский язык и передеваясь в местную одежду, выполняли связные и разведывательные функции. Шеф разведывательной службы при Наполеоне амбициозный генерал М. Сокольниковский, претендовавший на командование всеми польскими войсками, оказался не в состоянии быстро и точно доставлять сведения о местности и противнике⁷⁶.

Французская облава на 2-ю Западную армию провалилась. 25 июня по старому стилю П. И. Багратион, чтобы не потерять свои обозы, приказал отряду генерала от кавалерии М.И. Платову (11 казачьих полков, около 3 500 сабель) задержать авангардный кавалерийский корпус генерала В.-Н. Латур-Мобура, состоявший из 4-й уланской дивизии генерала А. А. Рожнецкого (4 тыс. человек при 12 пушках), а также саксонских кирасир и вестфальских гусар. Генерал Рожнецкий (1774-1849) был инспектором кавалерии и специалистом по военной разведке княжества Варшавского (с 1815 г. командовал кавалерией Царства Польского, а с 1831 г. стал российским генералом от кавалерии).

Чисто польское поражение под Миром и Романовым (в 90 км юго-западнее Минска) в определенной мере было вызвано переоценкой польской кавалерией своих сил. Победный ореол Великой армии заставил упустить из вида, что отступающая, почти бегущая армия П. И. Багратиона тоже считает себя непобедимой. Польские разъезды, опережавшие французскую армию на 50-60 км, неверно оценили силы русского арьергарда и боеспособность казаков, которая при надлежащем руководстве превосходила боеспособность французских гусар⁷⁷.

Используя свой традиционный прием «вентерь», сотня казаков 27 июня/9 июля у местечка Мир заманила один из уланских полков в засаду. После окружения полк без перестрелки был «взят в дротники» и разбит⁷⁸. Уланы, захватившие с собой по горсти польской земли и поклявшиеся вернуть отторгнутые Россией земли, бились храбро: большинство из 250 пленных было взято ранеными только после того, как были сбиты с коня. «Гордые и надменные, оповестили они нас, что целью их похода является Москва, будто нет такой силы, которая могла бы противостоять их натиску, задержать их победоносное шествие»⁷⁹.

На следующий день казаки при поддержке регулярной кавалерии (всего около 7 900 человек) только после четырехчасового боя «грудь на грудь» сломали сопротивление дивизии Рожнецкого. Часть улан была подавлена возможностью окружения и «диким видом» калмыков, башкир и крымских татар, лучшим боем поддерживавших казаков, и бежала под предлогом «вызова помощи». Бригадный генерал Т. Тышкевич вместо выдвижения вперед ускал в тыл конную артиллерийскую батарею. 600-800 улан было убито и ранено, 9 офицеров и 121 рядовой были пленены.

В третий раз казаки, несмотря на соседство и 10 км основных сил противника, разбили улан 2/14 июля недалеко от Слуцка, у местечка Романова. Здесь сдалось в плен 8 офицеров и 350 рядовых, убито и ранено 300 офицеров и рядовых⁸⁰.

Генерал-лейтенант Н.Н. Раевский, мужество которого в 1812, можно сопоставить с античными образцами, так оценивал польские, французские и русские войска: «Поляков бьют со всех сторон. Французы имеют превосходство над нами... Они несколько сильнее, но гораздо

искусней, мы в сто раз храбрей и гораздо глупей». (В последнем случае, судя по контексту других его писем, имелась в виду «слабость вождей» и маневренности войск⁸¹.)

Хотя после «ретивого дела» у Мира и Романова «дух даже и в самых поляках ослабел» (П. И. Багратион), тем не менее на фоне прочих «двунадесяти языков» он вплоть до ноябрьской переправы через Березину оставался на высоком уровне.

В освещении польской печати французское наступление шло исполинскими шагами: «За один месяц Наполеон сделал то, на что нашим князьям и королям нужны были века». В то время А. Е. Чарторыйжский жаловался из Карлсбада Александру I на «крайнюю жестокость» русской армии при уходе из Литвы и Белоруссии⁸². Конечно, местный провиант и фураж при невозможности вывоза сжигался, и угон скота, лошадей и подвод мог сопровождаться грабежом. Однако «диких неистовств скифов» не было; ни Ковно, ни Вильно, ни Минск, ни усадьбы шляхты не уничтожались огнем, костелы не ограблялись и не обращались в конюшни и лазареты, как это делалось наступающим противником с православными церквями.

Только со старой польско-русской границы 1772 г. началась «выжженная земля» под ногами армии вторжения и «священная война» русского народа («восстал дух Русской земли» — Ф. Н. Глинка). Вслед за Смоленском заполыхали Гжатск, Дорогобуж, Вязьма, Кубинка. Русская армия, казаки и население уничтожали жилища, обрекая себя на разорение и готовя гибель захватчикам.

Даже отступая, русские солдаты оценивали свою боеспособность выше, чем у численно превосходящего противника и часто произносили поговорку: «Француз» (поляк) боек, русский стоек». «Отступление льва» — генерал-лейтенанта Д. П. Неверовского с 27-й дивизией (7200 человек) от Красного до Смоленска 3/15 августа сорвало план Наполеона выйти и тыл 1-й и 2-й Западным армиям.

Три конных корпуса Й. Мюрата (при поддержке одной пехотной дивизии и одной батареи — всего 22500 человек) не сумели на широком поле в сорока атаках ни разбить Неверовского, ни захватить все его пушки, брошенные без прикрытия тремя казачьими полками и Харьковским драгунским полком. Настойчивые ступы польских улан тоже оказались неудачны. Подосланный французами польским штаб-офицер, знавший русский язык, пока не был застрелен, четырежды подъезжал и «спокойно галопировал», уговаривая: «Нас много, а вы все равно будете в плену».⁸³

Пиком польских усилий в войне 1812 года стало Смоленское сражение. Здесь сказалась и надежда на возвращение древнего русского города (в 1404-1514 и 1611-1654 гг. он был в составе Великого княжества Литовского) и желание показать «мстителю за Польшу» и «всему миру», где стояли рубежные столбы «Великого королевства», и игра на польском энтузиазме самого Наполеона, заявившего, что Смоленск решает судьбу Польши («Поляки, этот город принадлежит нам!»), и, конечно, вдохновляющий штурм французов (против Молоховских ворот Смоленска).

4/16 августа Наполеон специально приостановился, устроив смотр польским полкам, кричавшим «Да здравствует император!» В русской армии ходила легенда, что Ю. Понятовский предложил взять Смоленск и «поднести, как букет» 3/15 августа, в день рождения Наполеона, когда в ставке «героя-освободителя» будут пить за его здоровье⁸⁴.

5/17 августа стало днем славы Войска Польского. До 9 утра в парадных мундирах польская пехота ожидала приказа атаки. Бонапарт лично указал Ю. Понятовскому направление штурма. Два часа польские батареи вместе с французской артиллерией бомбардировали город и правый берег Днепра.

Около 15 часов 16-я и 18-я польские дивизии, ведомые и вдохновляемые польскими генералами и офицерами, с криками «Да здравствует Родина!» стали прорываться в смоленское предместье. «Французы, или лучше сказать, поляки, в бешеном исступлении лезли на стены, ломались в ворота, бросались на валы»⁸⁵. «Мы имели счастье увенчать славой наш народ, мы дрались... все время на глазах самого Наполеона»⁸⁶.

Не менее истово бились и русские защитники, выведя из строя польских дивизий 1330 человек⁸⁷. Гренадер Тобольского пехотного полка заколол командира 18-й дивизии М. Грабовского, которого поляки не смогли вынести. Верхом и в полной форме польский генерал-майор русской службы Цибульский храбро в цепи стрелкой отражал французский натиск корпуса Л. -Н. Даву. К вечеру все атакующие были отведены за пределы смоленских предместий, и в пылающем «своем святом Смоленске» польские орлы помнились лишь 6/18 августа, после того, как Русская армия покинула его.

Утром 9/21 августа «владыка Европы» роздал V польскому корпусу 88 крестов ордена Почетного легиона и отметил в официальном бюллетене, что «действия польского корпуса... поразили русских, привыкших презирать поляков». Польский военный историк М. Кукель

полагал, что у Смоленска впервые со времен героя «Потопа» С. Чарнецкого (1599-1665), побелившего рать И. А. Хованского 17/27 июня 1660 г. пол Полонкой, поляки одержали тактический верх над русскими. После смоленских потерь корпус Ю. Понятовского уменьшился еще на 15%. В батальонах оставалось примерно по 470 штыков, в эскадронах — по 400 сабель. На смотре 21 августа/2 сентября он насчитывал 10068 человек (6 636 пехотинцев, 1638 кавалеристов и 1794 артиллериста при 50 пушках)⁸⁸.

Если у русских, начиная с «древних границ», жажда биться против «нечистой гадины» стала доходить почти до нарушения дисциплины, то польский пыл стал угасать. С одной стороны, видимо, признавалось, что проливать польскую кровь в Центральной России (как в Италии, Испании и на Гаити) нужно ради будущего Польского королевства, с другой стороны, ожидалось, что Наполеон задержится на границе 1772 г., займется укреплением Великого княжества Литовского и перебросит польские войска на Украину, где они «обретут меч», которым король Болеслав I Храбрый (966-1035) в 1018 г. рубил Золотые ворота Киева⁸⁹.

Возможно, почувствовав изменение польского настроения, Наполеон начал выражать недовольство бездействием Варшавского правительства, срывом рекрутских наборов в Литве и домогательством денег поляками, как будто те не должны бескорыстно приносить жертвы ради Польши: «поляки не в состоянии поддержать эту борьбу, наборы не осуществляются, они не делают ровно ничего ради собственного дела; ежедневно они просят денег... Поляки хотели бы получить Галицию; что им за беда, если я поссорюсь с Австрией? Я ожидал большего от обещанных ими преданности и усердия. Я не хочу разорять Францию ради них... Я придаю Польше не больше значения, чем чему-либо другому»⁹⁰.

В просьбе Ю. Понятовского послать его вместе с Л.-Н. Даву на Киев было отказано.

В «битве исполинов» польское участие на разных местах Бородинского поля было неравнозначным. Трудно согласиться, что заслугу взятия Шевардинского редута 24 августа/5 сентября V корпус делил на равных с I корпусом Даву. Из 194 орудий, обстреливавших шевардинские позиции, лишь 24 составляли польские, а французские потери — 4-5 тыс. — явно превышали польские (25 офицеров и 591 рядовых)⁹¹. Сомнительно также, что в девятом часу вечера, почти в темноте 6-й и 8-й польские уланские полки опрокинули Екатеринославских и Орденских кирасир скорее всего, они уклонились от схватки с ними, укрывшись за французскими латниками⁹².

26 августа/7 сентября Наполеон, отказавшись от стратегического окружения русскою левого фланга, основную надежду возложил на свою 80-тысячную центральную группировку с 382 орудиями, которая должна была совершить захождение, оттесняя русский левый фланг в мешок между Москвой - рекой и Колочью⁹³. Явно слабее было левое крыло Е. Богарне - 33 тыс. штыков, 7 тыс. сабель и 152 орудия, и крыло правое, где 10-тысячному корпусу Понятовского была поставлена второстепенно-вспомогательная задача - тактическим обходом флешей с юга вызвать вмешательство у противника «Идти завтра прямо перед собой; опрокинуть все, что встретится на пути, потом повернуть влево, чтобы обойти неприятеля и вспомоществовать атаке французской армии»⁹⁴.) За Утицким лесом корпус Понятовского должен был действовать в отрыве на 1,5-2 км от французской армии.

Те из польских соединений, которые были «включены в тело» Великой армии ее победным настроем, нигде не были поставлены во главу атак при фронтальном ударе Нея и Даву по левому флангу М. И. Кутузова. Однако, также как немцы, итальянцы и другие, они достойно и храбро выполняли свой долг. Начальник польской артиллерии подполковник Г. Совиньский (еще в Шевардинском бою) тяжело раненый в ногу, после перевязки, лежа, управлял стрельбой своих орудий против русских позиций. Два эскадрона 14-го польского кирасирского полка С. Малаховецкого, поставленные позади двух полков саксонской тяжелой кавалерии, как и все, стойко переносили потери от огня батареи Н.Н. Раевского. Всего, в том числе и после атак Курганной высоты, из 180 польских кирасир вышло из строя 107, из 850 саксонских кирасир — 433⁹⁵. Несколько раз с переменным успехом эшелонами бросалась в атаку на взлобье за д. Семеновское уланская дивизия А. Рожнецкого. Французские кавалеристы вспоминали, что сражаться вместе с польскими уланами «было прямо наслаждением; удивительна была их блестящая храбрость и та яркость, с которой они бросались на врага, где бы тот ни появлялся и какова бы ни была его сила»⁹⁶.

Не меньшее присутствие духа показывали их соотечественники, сражавшиеся на русской стороне. Командовавший 3-м кавалерийским корпусом генерал К. А. Крейц, считавший

«Боролинское дело последним в своей жизни», будучи трижды ранен, оставался в строю, и только после четвертого ранения был унесен для перевязки⁹⁷.

Для локального боя у дер. Утицы польский корпус Понятовского был поднят позже всех — около 4 часов утра. И русские, и поляки преувеличили здесь силы друг друга: генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь полагал, что в двух польских дивизиях и двух бригадах кавалерии было 16 тыс. человек. Поляки считали, что из-за превосходства русских у дер. Утицы ничего нельзя сделать и с 30-ю тысячами⁹⁸.

Около 5 часов утра 10-тысячный польский корпус начал выдвигаться на старую Смоленскую дорогу против 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Н.А.Тучкова 1-го (8 тыс. человек) стоявшего за д. Утица. Слева от него находились 6 полков казаков генерал-майора А. А. Карпова 2-го (около полутора тысяч) в тылу — 10—11 тыс. ратников Московского ополчения. И те и другие прежде всего, оказывали сдерживающее влияние на противника и лишь ограниченно участвовали в бою,

Медленно, почти 3 часа, проходил Понятовский 2,5 версты из района дер. Доронино до дер. Утица, осторожно, почти вслепую вылавливая русских егерей из Утицкого леса. Благодаря этому Тучков отослал 3-ю пехотную дивизию генерал-лейтенанта П.П. Коновницына на помощь к П. И. Багратиону. Только в начале девятого часа передовая 16-я дивизия И. Красинского, перемешавшаяся в рассыпном строю, пройдя дер. Утицы, начали перестрелку с оставшейся 1-й гренадерской дивизией генерал-майора П. А. Строганова. Отсутствие «смоленской ярости» и напора и медленность польского наступления польская историография объясняла недостатком сил, залесенностью, эффективностью русского огня, под которым польскую пехоту среди кустарника было трудно собрать в колонны для атаки, и желанием Ю. Понятовского сберечь ядро Войска Польского. Именно последнее следует признать самым достоверным. Осознав, что русские стоят насмерть, предоставленный самому себе польский генерал не стал «перемалывать» свои силы в ожесточенных атаках. О рейде в русский тыл по старой «Смолянке» Понятовский вряд ли думал, тем более что казаки А. А. Карпова «нейтрализовали» польскую кавалерию генерала Г. Себастиани.

Имитация наступления почти до полудня, сорвала замысел Наполеона: «Ваш Понятовский не идет вперед. Император очень недоволен. Наши потери огромны, русские сражаются иступленно», — такую оценку из штаба французского императора передавали в V корпус⁹⁹.

Около 11 часов утра Понятовский обходным движением дивизии Красинского, поддержанной огнем 40 орудий, выбил Павловских гренадер с Утицкого кургана, создав угрозу флангу и тылу Тучкова. Однако 18-я дивизия К. Князевича не поспешила закрепить успех и польский батальон М. Рыбинского держался на кургане всего 15 минут. (Позже Понятовского упрекали, что он атаковал побатальонно, как австрийцы, а не сразу всеми силами.)

К Тучкову к этому времени подоспела помощь. Вместе с головными Белозерским и Вильманстрандским полками 17-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта З. Д. Олсуфьева он отбросил от кургана поляков, в беспорядке отступивших: назад за дер. Утицу, почти на 2,5 км («на дальний пушечный выстрел»¹⁰⁰). На три часа Понятовский перешел в оборону, приводя свои части в порядок. Некоторые польские мемуаристы писали, что князь ввел заблуждение генерал Себастиани, объявив, что повсюду казаки массы пехоты, французы, связаны ожесточенным сражением; в случае продвижения вперед все будут отсечены и уничтожены. После этого Понятовский долго разъезжал вдоль позиции, приподнимаясь на стременах¹⁰¹.

Только после приказа Наполеона Понятовский к концу сражения, около 16 часов, при поддержке 8-го корпуса Ж. А. Жюно возобновил продвижение вперед. Однако отход русских за Утицкий курган не был результатом давления V корпуса, но вызван необходимостью выровнять левый фланг по новой линии¹⁰². Продвигаться дальше, туда, где остановилась русская пехота, казаки и ополченцы («полуварвары с греческими крестами на шапках» — так называли их поляки) не было ни сил, ни возможностей.

В результате сильного русскою отпора, повлиявшего на низкую активность польского корпуса Понятовского, поляки потеряли около 1900 – 2000 человек¹⁰³.

Князь Юзеф, по сути, сорвал один из отработанных приемов Наполеона — тактический обход фланга противника. Из-за пассивности и неудачи движения вокруг 1-го корпуса Тучкова французам пришлось принять большое фронтальное сражение на измор. Частично из-за Понятовского усилия Даву и Нея не завершились окончательным успехом¹⁰⁴.

Формально Бородинская битва выглядела победой Наполеона — русские потери превзошли французские и была оставлена Москва. Однако контраст бонного духа противников после нее был

разительным. У поляков, как и у всей французской армии, настроение было угнетенным. «Вместо радости у нас наступило что-то вроде оцепенения. Начиная от Бородина, мы перестали думать об успехах, но только о трудностях и будущих поражениях. Русская армия не была разбита и мы следовали за ней очень осторожно»¹⁰⁵.

У русских офицеры целовали посланца от М.И. Кутузова, объявившего было о возобновлении битвы на утро, солдаты приняли эту весть с «неописанным восторгом», раненые были веселы, «почти всем довольны и даже ели с большим аппетитом». Никто из участников не считал сражение проигранным: «Все были в таком восторженном настроении духа, все были такими живыми свидетелями отчаянной храбрости наших войск, что мысль о неудаче или даже полуудаче никому не могла приходить в голову»¹⁰⁶.

Вопреки всем потерям «победительный отпор разъяренному нападению» свидетельствовал о победе русского духа над французским.

Поляки в Москве и во время отступления Великой армии

2 /14 сентября 1812 г. вместе с Наполеоном польские вооруженные силы через два века после Смутного времени снова вошли в Москву. В Кремле, кроме французской пешей и конной гвардии, поставили и караулы польских улан. «Тымчасова газета Миньска» с торжеством сообщала, что «наглый москаль преклонил дрожащие колена и испуганные скифы» через 200 лет увидели вместо Жолкевских, Гонсевских и Баториев новых героев – Понятовских, Зайончковских, Князевичей и Красиньских»¹⁰⁷. Во всем польском крае был назначен день праздничного благодарения. В Варшаве по поводу пожара Москвы была прочитана ода: «Где то чудовище, колосс, страшилище народов?». Секретарь Генеральной конфедерации и поэт К. Козьян (1771 — 1856) вдохновенно обратился к соотечественникам: «Народ польский! Пусть зазвучит земля твоя радостным кличем – Твой Мститель стал Победителем! Отдых после жертвенных подвигов... поможет лучше поддержать замыслы Избавителя, сломить сопротивление неприятеля и заставить отдать несправедливо захваченное...»¹⁰⁸

В Вильно 9/21 сентября была отслужена благодарственная месса, сопровождавшаяся парадом национальной гвардии и артиллерийским салютом у кафедрального собора. Там же (и в Гродно) развесили картины, как польский и французский орлы раздирают труп московского. В Гродно поставили памятный обелиск¹⁰⁹. По польской инициативе в Москве был снят крест с колокольни Ивана Великого, который Бонапарт собрался поставить над Инвалидным Домом в Париже, и московский герб с купола Сената¹¹⁰.

В отличие от варшавян, поляки в Москве восприняли пожар тревожным предзнаменованием, а русские — как близкий конец военной силы захватчиков: «Пожар Москвы светил на всю Россию, его уголья пламенели в каждой русской груди — под золотым шитьем мундира и под худой сермягой. И вся Россия взялась за мушкеты и самопалы, сабли и топоры, вилы и дубины»¹¹¹.

Польские разъезды, убеждавшие русских, что они побеждены («Смоленск наш, Москва наша»), в ответ получали: «Мы не ваши»¹¹².

Многовековая историческая конфронтация сильно ожесточила польско-русское столкновение в 1812 г.

С 15 сентября по старому стилю среди русских стала ходить песня:

Хоть Москва в руках французов, это право не беда,
Наш фельдмаршал князь Кутузов их на смерть впустил туда.
Вспомним, братцы, что поляки встать бывали также в ней,
Но не жирны кулебяки, ели кошек и мышей.
Напоследок мертвечину, земляков пришлось им жрать,
А потом пред русским спину в крюк по-польски изгибать.
Побывать в столице слава, но умеем мы отмщать,
Знает крепко то Варшава и Париж то будет знать¹¹³.

В ответ поляки подогревали себя песней о мщении за «пражскую резню» 1794 г.¹¹⁴

Еще ярче польское соперничество сказалось в ритуальном поругании святынь противника. Вместе с французами поляки, как и в 1612 г. оскверняли и грабили церкви, ставили туда лошадей,

заставляли православных варить для себя пищу в церквях на огне из икон. «Жесточайшие истязатели и варвары из народов, составляющих орду Наполеона, были поляки и баварцы»¹¹⁵.

В первый месяц войны едва полковых священника VI корпуса, отстав несколько верст, были схвачены польской конницей. Поляки, после разных оскорбительных шуток, напоили их обоих с рвотным камнем и связали их бороды вместе, лицом к лицу. Позабавившись таким образом, они отпустили их... Вообще замечалось, что главнейшие неистовства совершались преимущественно поляками, по крайней мере, тогда это было основной молвой»¹¹⁶.

«Величайшие неистовства совершены были в Москве немцами и поляками, а не французами. Так говорят очевидцы, бывшие в Москве в течение шести ужасных недель»¹¹⁷.

Когда русские офицеры видели пленных поляков, «гнев их удваивался, они осыпали их ругательствами и угрозами, даже били многих старших офицеров, говоря им: «Сибирь, Сибирь». Поляки, зная как их ненавидят у нас, выдают себя за голландцев или за немцев»¹¹⁸.

В целом взаимное русско-польское ожесточение, превосходя французское, итальянское и другие, видимо, было равнозначным. Если поляки и немцы пристреливали и добивали штыками ослабевших на марше русских пленных, то и в русской армии (не говоря о партизанах) добивали умирающих солдат противника как «возмездие за свое святотатство, которое они совершили». Участники рейда отрядов 3-й Западной армии П.В. Чичагова, появившиеся с 10/22 октября 1813 г, на территории княжества Варшавского у Бреста писали: «Варшавское княжество оттерпливается за то, что саксонцы и австрийцы делали нашим жителям; скот, лошади, все забирается, дома разоряются, хлеб и все запасы истребляются. Обыватели стонут, воин буянит, цари проклинаемы»¹¹⁹.

В начале отступления из Москвы польский корпус, насчитавший 9/22 октября 1813 г. 4844 человек пехоты, 864 кавалеристы, 49 пушек и 239 строевых повозок¹²⁰, примерно прикрывал французские обозы, артиллерию и безлошадных воинов конницы. Не дисциплинированные летом, поляки осенью 1812 г. оказались самыми стойкими и выносливыми солдатами Великой армии: холод и голод не представлялись им экстремальными. Запасшиеся в Москве меховой одеждой и умевшие ночевать в землянках, стожках, шалашах и на снегу, они не испытали такого разложения (и тем более распада личности), как «цивилизованные солдаты» Западной Европы. Поляки могли лучше добывать провиант — в то время как перед французами крестьяне успевали разбежаться, поляки окружали деревню, чтобы никто не мог бежать, стогнали всех в одно место и конфисковывали все подчистую. Вот почему «у польских улан имелись фургоны с провизией, быки, не истощенные лошади, хорошая сбруя и веселья больше, чем у французов. Их не тревожило отступление и предстоящая зима»¹²¹.

В Тарутинском бою 6/18 октября польский корпус, потеряв 1311 человек убитыми ранеными и пленными, не потерял ни одной пушки, ни повозки с амуницией¹²².

На подходе к Березине польский корпус по численности боеспособных (1200 человек) был третьим после императорской гвардии (6000 человек) и корпуса Даву (3000 человек). Даже и это время поляки не сомневались в «звезде» Наполеона, надеялись, что Польша станет единой в рамках Великой империи французов и предлагали вывезти «своего воскресителя» в Вильно.

Боями у Борисова и Студянки 14/26 и 15/27 ноября Наполеон обеспечил переправу большей части своей армии, а сражением у Стахова 16/28 ноября попытался, разбив адмирала П. В. Чичагова, задержать русское преследование¹²³.

Катастрофа отступления испортила отношение к полякам. Французы проклинали их за «вторую Польскую войну», штыками выгоняли из изб, не давали топлива и отпугивали выстрелами от костров. Поляки выражали недовольство тем, что при атаках и арьергардных боях французы сберегали себя за счет польской крови¹²⁴.

С 9/21 ноября г. Борисов защищало 3120 поляков 17-й дивизии Домбровского и около сотни человек деморализованного и бежавшего гарнизона Минска — почти 78 % от общего количества принявших участие в бою. Домбровский не укрепил должным образом плацдарм на правом берегу Березины, неудачно расставил свои силы и не смог удержать мост — нить спасения остатков Великой армии до подхода II корпуса Н.-Ш. Удино.

Чичагов уничтожил здесь две трети дивизии Домбровского¹²⁵.

После того как русские сожгли мост, Удино в гневе бросил: «Ваш Домбровский заслуживает расстрела!»¹²⁶

В бою 16/28 ноября у Стахова на правом берегу Березины Наполеон поставил в первой линии корпус Удино с остатками III корпуса (4400 человек) Вторая линия состояла из остатков всех польских пехотных частей — дивизий Домбровского, Красиньского, Князевича, Вислинского

легиона и др. — всего 6450 человек¹²⁷. В резервной третьей линии находились части I корпуса Даву, IV корпуса Латур-Мобура, пехота Старой и Молодой гвардии, а также кавалерия Удино и гвардейская — 4300 всадников, из которых 1100 было польских.

Атаку второй польской линии под командованием генерала Ю. Зайончка Наполеон подбодрил (спутив его с Домбровским) словами: «Вперед, Домбровский! Возьмите свой реванш!» (Император подразумевал сдачу Домбровским Борисова).

Упорное сражение закончилось вечером 16/28 ноября, когда атака кирасир генерала Думерка и польских улан на расстроенные при наступлении русские части оттеснила войска Чичагова на исходные позиции.

Для защиты левого берега Березины у Студянки в тот же день было выделено 10220 человек, из которых одними из самых боеспособных оставались 4-й, 7-й и 9-й польские пехотные полки с «испанским стажем». До сумерек маршалу К.П. Виктору удалось удержать эту позицию.

За четыре дня переправы через Березину с 13 часов 14/26 ноября до 8 часов 30 мин. 17/29 ноября все боеспособные части французской армии (около 19960 человек, из которых 6300 было поляков) ушли на правый берег. Переправилось и около 22 тыс. «мародеров». Однако последнее напряжение истощило остатки сил и началось окончательное разложение бывшей Великой армии. В путь на Вильно поднялось 29 ноября по старому стилю всего 8 тыс., из которых только 9 тыс. человек было боеспособных. Но даже и на этом заключительном отрезке поляки несли меньшие потери, чем французы¹²⁸.

После уничтожения небывалой со времен «переселения народов» армии вторжения во главе с лучшим полководцем всех времен и народов, военный дух в наполеоновской Польше резко упал. Оборона Литвы и Польши разваливалась до соприкосновения с русской армией. Перед оголодавшей, укутанной в тулупы и медленно наступавшей русской армией, терявшей не меньше французов обмороженными и больными, но кричавшей при встрече с противником «Париж! Париж!», накатывалась волна страха

В Вильно паника стала подниматься с 20 ноября /2 декабря 1812 г. Не испытавшие катастрофы корпуса Шварценберга и Ренье, а также 30 тыс. неаполитанских, баварских и польско-литовских войск, разбросанных по Литве не только не могли двинуться на выручку Наполеону, но и без боев стали отступать. Утопией был план создания посполитого рушения в 15800 человек («польских казаков»).

Денис Давыдов, чувствовавший за плечами мощь победившей Российской империи, с торжеством объявил в Гродно: «Господа поляки! В черное платье!... Из 80 тысяч ваших войск... 500 только бегут восвояси, прочие валяются по большой дороге, морозом окостенелые и засыпанные снегом русским... Я вижу на лицах поляков... и злобу и коварные замыслы..., наглость в осанке и вызов во взглядах... Зачем все это?»¹²⁹

Масштаб осознания русскими своего подвига («Велик Бог земли Русской! Велик государь и народ ее! Велик Кутузов, полководец мудрый» - Ф.Н. Глинка) соответствовал растерянности наполеоновской Польши. На пламенное воззвание К. Козьмяна «К оружию, на коня! Встать стеной и с мужественной стойкостью дожидаться, когда великий Воскреситель Польши снова станет на этой земле... Шляхта польская! Покажи себя достойной крови предков... Восстаньте, потомки Чарнецкого! ...Собирайтесь под стяги... по землям и повятам... покажите удивленной Европе, как проливают польскую кровь за Польшу!»¹³⁰ Никто не отозвался. Сельское и городское население не бежало, не поджигало своих усадеб и городов. Евреи с бубнами, скрижалями завета, с радостью, непрерывным «ура» и визгом встречали русских как спасителей¹³¹. «Польша ждала мести завоевателя», — писал А.Е. Чарторыйский.

Однако Александр I отдал приказ обходиться с поляками «дружески и братски». В Варшаве о прибытии русских стали говорить как о счастливом событии. В княжестве Варшавском, не считавшемся оккупированной территорией, всех охватило всеобщее желание капитуляции. Совет Генеральной конфедерации в начале декабря писал русскому императору, что «между Польшей и Россией нет, по сути, национальной ненависти, за исключением воспоминаний о взаимных несправедливостях». Совет взывал к новой эре, когда два народа соединятся узами любви и братств на основе их общего славянского происхождения», и предлагал проект соединения России с Польшей и Литвой под наследственным скипетром русского императора¹³².

12/24 декабря Александр I объявил полную амнистию «литвинам», которые были на стороне Наполеона. Было сохранено Войско Польское с его офицерским корпусом, национальной формой и наградами и прежний правительственный аппарат. Позже восстановлено

государственное название страны, а все воевавшие на стороне Бонапарта смогли вернуться в Польшу с оружием и крестами ордена Почетного легиона¹³³.

16/28 декабря в Варшаве и страшном виде появилась первая партия почерневших, одетых в лохмотья «скелетов» Войска Польского — 4 генерала, 120 офицеров и 220 солдат¹³⁴.

«Из войск княжества Варшавского, поставленных под ружье в количестве 70 тыс., вернулось (вместе с отрядами прикрытия над Бугом, гарнизоном Замостья и 7-й дивизией) около 16 тыс.; из польских частей французской службы участвовало в боях около 11 тыс., вернулось около одной тысячи; из задействованных 15 тыс. литовских войск возвратилось около 6 тыс. Всего из 96 тыс. полевых войск уцелело максимум 24 тыс., из которых около 15 тыс. тянулось в княжество Варшавское. В потерях, достигавших по меньшей мере 72 тыс. человек, не учтены польские солдаты, служившие в некоторых иностранных полках и набравшиеся туда рекруты»¹³⁵.

1/13 января 1813 г. русская армия перешла Неман, 26 января/ 7 февраля депутации Варшавы вручила генералу М.А. Милорадовичу «в знак приветствия Русскому воинству» хлеб, соль и золотые ключи, а на следующий день при входе в польскую столицу варшавяне кричали «виват» (Ф.Н. Глинка). Победители, отмечая скрытую нерасположенность поляков, с удовольствием писали о веселой жизни, обедах, мазурках, спектаклях и романах в Польше¹³⁶. Только Ю. Понятовский с горстью солдат остался верен Наполеону, ушел из княжества Варшавского и снова стал собирать Войско Польское.

Александр I свою имперскую устремленность, вопреки неодобрению русскою державного дворянства, видевшего будущее Польши в форме русской провинции, облек в мягкие формы. В апреле 1814 г. было заявлено об освобождении пленных поляков и отправлении их на родину и возвращении конфискованных ранее имений¹³⁷.

В июне 1815 г. «без безумного восторга, но с глубоким интересом» поляков (А. Е. Чарторыжский) часть коренного ядра этнической Польши была присоединена к Российской империи в качестве автономного Царства Польского площадью 127 тыс. кв. км, с населением в 3,3 млн человек (на 1816 г.).

После «принятия внутрь и отравления» коренной Польшей (И.С. Аксаков), она стала «обжигающей рубашкой кентавра» (Ж. де Местр), и среди русских демократов стало формироваться, особенно с 1831 г., сознание исторической вины перед Польшей.

Война 1812 года в общественном сознании Польши выглядела освободительной. Однако она не стала для России, ни народной, ни польской Отечественной. Перед слабым княжеством Варшавским Наполеон поставил программу невозможного: оно не могло дать Войску Польскому ту силу, которую черпали французская и русская армии (в том числе и поляки русской службы) из своих могущественных империй. В Западной Руси французы и поляки оказались в немного лучшей положении, чем в Египте, Испании или коренной России. Новых Собесских война 1812 года не дала, однако Войско Польское, оказавшись в потоке французского державного милитаризма, показало высокие образцы самоотверженности и вписало страницы доблести в историю польского оружия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чарторыжский А.Е. Мемуары. М. 1998. С. 361.

² Ильинский Н.А.. Художественная патриотическая литература 1812-15 гг. Тбилиси, 1949. С. 15.

³ Так писал В.Л. Пушкин. См.: Любецкий С.М. Русь и русские в 1812 г. М. 1994г. С. 201,221.

⁴ Вандаль А. Наполеон и Александр I. Ростов на Дону, 1995. Т. 4. С. 546.

⁵ Беседы и частная переписка между Александром I. и кн. Адамом Чарторыжским. М., 1913. С. 24,26,81,93, 35-96,98, 107, 119, 176-185.

⁶ Там же. С. 161, 278. Еще в 1810-1811 гг. в княжестве Варшавском были заговоры против французов, ориентировавшиеся на унию Польши с Россией: *Kukiel M. Wojna 1812 roku. Krakow, 1937. Т. 1. S. 96; Zeznak K. Polen und Rußland: Zwei Wege in der europäischen. Geschihthe.В., 1994. S. 302. 303, 307.*

⁷ *Grochulska B. Male państwo wielkich nadziei. Warszawa, 1987. S. 22–23.*

⁸ *Военский К.* Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г. // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1009. Т. 128. СХХVI.

⁹ *Вандаль А.* Указ. соч. С.432.

¹⁰ *Мачеевский Я.* Стереотип России и русских в польской литературе и общественном сознании // Поляки и русские в глазах друг друга М., 2000. С. 14.

¹¹ *Aszkenazy S.* Przynęta Koeciuzki // Biblioteka Warszawska. 1912. Т. 1. 483—486. «Мало-помалу мы пришли к убеждению, что эти русские, которых мы научились инстинктивно ненавидеть, которых мы причисляли» всех без исключения, к числу существ зловредных и кровожадных, с... которыми не могли даже встречаться без отвращения, — что эти русские более или менее такие же люди...» (*Чарторыжский А.* Указ. соч. С. 39). «Не говорю уже о прошлой Польше и поляках. Исчезло уж и то государство, и то имя, как исчезло столько других в истории. Каждый бывший поляк должен выбрать себе Отечество. Я уже русский наседа», — так писал Щенсны-Потоцкий в 1796 г. См.: *Grodziski S., Kozłowski E.* Polska zniewolona, 1795-1806. Warszawa, 1987. S. 13–14.

¹² *Gzubaty J.* W s³u¿bie czarnych orów // *Mówi¹ wieki.* 2001. № 6. S. 25-27.

¹³ Сообщение Д. Г. Целорунго. См. также: *Целорунго Д. Г.* Служебная карьера офицеров русской армии 1812 г. — выходцев из различных регионов России и стран зарубежья (по формулярным спискам) // Отечественная война 1812 года: История, памятники, проблемы:

Материалы VI Всерос. Науч. конф. Бородино, 1998. С. 200-201. После II и III разделов Речи Посполитой с территории Белоруссии и Украины набирали добровольцев и рекрут. В конце XVIII — начале XIX вв. через русскую армию, по мнению Я. Чубатого, прошло около 20 тыс. поляков. *Czubaty J.* Op. Cit. S. 18-20.

¹⁴ *Czubaty J.* Op. Cit. S. 20.

¹⁵ *Соколов О. В.* Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 375, 377 и др.

¹⁶ После пленения нескольких тысяч поляков вслед за битвой при Арколе 15-17 ноября 1796 г. Наполеон решил создать из них отдельные части. См.: *Grodziski S., Kozłowski E.* Op. cit. S. 39.

¹⁷ *Tokazz W.* D¹ brovski jako organizator i wódz. Warszawa, 1919. S. 5-6.

¹⁸ Там же. С. 8-9, 14-16, 21.

¹⁹ *Соколов О. В.* Указ. соч. С. 363.

²⁰ *Tokazz W.* Op. cit. S.16, 20.

²¹ *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. Т. 1. S. 96.

²² Генерал-лейтенант И. Н. Эссен 1 -й — военному министру М. Б. Барклаю де Толли 8/20 февраля 1812 г. из Слонима // Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА Главного штаба. СПб., 1908. Отд. I. Т. 9. С. 123-124.

²³ Такой же возраст имели и три четверти русских офицеров со средним сроком службы в 8-10 лет. См.: *Целорунго Д. Г.* «Все прочим глава...» // Памятники Отечества. 2001. № 47. С. 26.

²⁴ Все картинки «мундиров с иголки» в изданиях XIX-XX вв. представляют романтизированную версию наполеоновской эпохи. О подобном же внешнем виде русской армии см.: *Ульянов И.* И эти нас победили! Внешний облик русской пехоты в заграничных походах // *Родина.* 2002. № 8. С. 74-78; *Dembiñski H.* Pamiñtnik H. Dembiñskiego. Pznanñ, 1860. S. 102.

²⁵ См. впечатления Д. В. Лоссберга: *Воен. — ист. вестн.* Киев, 1912. С. 9.

²⁶ Я. Г. Домбровский — Ю. Понятовскому 20 февраля 1807 // *Staszewski J.* Zród³ a wojskowe do dzieiów Pomorza w czasach Ksiñstwa Warszawskiego. Toruñ, 1933. Fontes XXVI. Cz. 1. S. 327.

²⁷ *Преснухин И. А.* Битва при Теббии 1799 г.: Три дня А. В. Суворова. М., 2001. С. 19-32.

²⁸ *Местр Ж., де.* Петербургские письма, 1803-1817. СПб, 1995. С. 278-279.

²⁹ *Пеле Ж. — Ж.* Московская битва // Бородино в воспоминаниях современников. СПб., 2001. С. 323.

³⁰ [*Ко³ aczkowski К.*] Wspomnienia jenerala Klemensa Koiczkowskiego. Kraków, 1898. Ks. 1. S. 89.

³¹ *Носов Б.* Представление о Польше в правящих кругах России 60-е годы XVIII в. накануне первого раздела Речи Посполитой // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000. С. 81; *Белова О. В.* Этноконфессиональные стереотипы в славянских народных представлениях // *Славяноведение.* 1997. № 1. С. 26; *Фалькович С.* Восприятие русскими польского национального характера и создание национального стереотипа поляка // Поляки и русские в глазах друг друга. С. 47.

- ³² *Чарторыжский А.* Указ. соч. С. 35—86.
- ³³ *Флиз, де ла.* Поход Наполеона в Россию в 1812 г. М., 1912. С. 112-113.
- ³⁴ *Попов А.Н.* Вопрос польский, 1806-1809// Русская старина. 1893. С. 639-690, 683.
- ³⁵ *Kępciski A.* *Lachi Muskal.* Warszawa, 1990. S. 63-69. Уровень осознания этого превосходства с XVI в. и до нашего времени нуждается в отдельном исследовании. Такое же отношение к Польше было у ее западных соседей — немцев; см., например, оценку К. Клаузевицем Польши как «варварского государства» и «политически необитаемой степи» (*Клаузевиц К.* О войне. М.; СПб.. 2002. Т. 2. С. 36-37).
- ³⁶ *Шайтанов И.О.* Пушкин и польский вопрос в контексте идеи всемирной истории // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С. 83.
- ³⁷ М. А. Волкова — В. М. Ланской 23 сентября 1812 г. // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников. М., 2001. С. 55.
- ³⁸ Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 г. М., 1912. С. 12, 18; Fleck. *Büchsenjäger Fleck im Feldzuge Napoleons Gegen Rußland 1812.* Güttingen. [1912]. S. 2.
- ³⁹ Записки А. И. Антоновского //Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1904. Вып. 3. С. 6.
- ⁴⁰ *Zych G.* General Jan Henryk D¹ browski, 1755-1818. Warszawa, 1974. S. 118; [*Koiaczkowski K.*] Op. cit. Ks. 1. S. 90; *Grochulska B.* Op. cit. S. 62.
- ⁴¹ А. П. Тормасов - П.И. Багратиону 16/38 июня 1812 г. // 1812-1814 годы. М., 1992. С. 138; *Сироткин В. Г.* Официозная военно-политическая публицистика Франции и России в 1804-1815 гг. // Бессмертная эпопея: К 175-летию Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813 г. в Германии. М., 1988. С. 230; *Sokolnicki M.* General M. Sokolnicki, 1760-1815. Kraków, 1912. S. 221.
- ⁴² Сб. РИО. Т. 128. С. 65-69. 97-99, 259, 311.
- ⁴³ *Местр Ж., де.* Петербургские письма... С. 207; Беседы и частная переписка... С. 191.
- ⁴⁴ *Zeznak K.* Op. cit. S. 302—303.
- ⁴⁵ *Nieuwaczny A.* *My z Napoleonem.* Wrocław, 1999. 101.
- ⁴⁶ *Вандаль А.* Указ. соч. Т. 4. С. 435—436; Михайловский—Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. СПб., 1843. Ч. 1. С. 219—221.
- ⁴⁷ Сб. РИО. Т. 128. С. 377.
- ⁴⁸ П. Граббе — М. Б. Барклаю де Толли 16 февраля 1812 г. из Берлина. Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА... С. 153; *Флиз, де ла.* Указ. соч. С. 9; Fleck. Op. cit. S. 1; *Ze wspomnień Zózefa Krasieńskiego*// Biblioteka Warszawska. 1912. Т. 3. S. 216,426.
- ⁴⁹ *Вандаль А.* Указ. соч. Т. 4. С. 450
- ⁵⁰ *Харкевич В.* Действия Платова в арьергарде Багратиона в 1812 году. Кавалерийские бои при Мире и Романове. СПб., 1901. С. 6.
- ⁵¹ *Соколов О.В.* Указ. соч. С. 396.
- ⁵² [*Ко³ aczkowski K.*]. Op. cit. Ks. 1. S. 84. Польские историки выражали сожаление, что Наполеон «утопил» поляков в океане Великой армии: *Boguslawski S.K.*- *ycie xi¹ zêcia Józefa Poniatowskiego.* Warszawa, 1831. S. 284; *Aszkenazy Sz.Ksi¹ze J. Poniatowski.* Warszawa, 1974. S. 230-232. Однако великий полководец, разбрасывая польские части среди французских, поднимал их боеспособность.
- ⁵³ *Kukiel M.* *Wojna 1812 roku.* Т. 1. S. 12.
- ⁵⁴ *Dundulis B.* Op. cit. S. 63.
- ⁵⁵ *Grochulska B.* Op. cit. S. 63.
- ⁵⁶ *Nieuwaczny A.* Op. cit. S. 104
- ⁵⁷ *Татищев Ю.В.* Вильна и Литовские губернии в 1812— 1813гг. Вильна, 1913. С. 27—28. Обновление «святой и неразрывной унии» Литвы с Польшей было провозглашено 8/20 августа 1812 г. См.: Сб. РИО, Т. 128. С. 65-69.
- ⁵⁸ Сб. РИО. Т. 128. С. 257, 349—351, 393; *Бернацкий Н.* События в Вильне во время Отечественной войны. Вильна, 1912. С. 93
- ⁵⁹ *Беннигсен Л.Л.* Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 22.
- ⁶⁰ *Borucki B.* *Rok 1812 wed³ ug wieszczy*// *Mówi¹ wieki.* 2000. № 1. S. 51-52; Сб. РИО. Т. 128. С. 353. «Город казался опустевшим. Несколько евреев и несколько человек из простонародья — вот все, кого можно было встретить в этой так называемой дружественной стране, с которой наши

войска ... обращались хуже, чем с неприятельской... Население ровно ничем не проявляло любопытства, никто не выглядывал из окон, не наблюдалось никакого энтузиазма, не видно было даже обычных зевак. Все выглядело угрюмо» (*Коленкур А.* Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 70–80).

⁶¹ Этот необученный и необстрелянный полк литовской гвардии был почти весь пленен у Слонима в ноябре 1812 г. авангардом 3-й Западной армии под командованием поляка — генерал-майора Е. И. Чаплица (*Бернацкий Н.* Указ. соч. С. 126—130).

⁶² *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. Т. 2. S. 10.

⁶³ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА... С. 4. 128.

⁶⁴ Сб. РИО. Т.128. С. 409, 416, 442-443. Было обнаружено около 5-7 тыс. (*Бернацкий Н.* Указ. соч. С. 160); *Богданович М.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1860. Т. 3. С. 160.

⁶⁵ *Бенкендорф А.Х.* Записки Бенкендорфа. М., 2000. С. 47— 49; *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 423; *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. Т. 2. S. 12-16, 128.

⁶⁶ Донесение епископа Волынского Даниила Св. Синоду от 19 ноября 1812г. //Сб. РИО. Т. 128. С. 518.

⁶⁷ *Крылова Н.Б.* Отклики на Отечественную войну 1812 г. в западно-украинских землях Австрийской империи // Бессмертная эпопея... С. 172, 174-176.

⁶⁸ *Бенкендорф А. Х.* Указ. соч. С. 47.

⁶⁹ Сб. РИО. Т. 128. С 57, 61, 394.

⁷⁰ Воспоминания А. П. Никитина // *Харкевич В.* 1812 год в дневниках... Вильна, 1903. Вып. 2. С. 140-141.

⁷¹ [*Ко³ aczkowski K.*] Op. cit. Ks. 1. S. 101.

⁷² Там же. С. 99-102; *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. Т. 1. S. 350; *Boguslawski S.K.* Op. cit. S. 280, 290–291.

⁷³ *Соколов О.В.* Указ. соч. С. 293; *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. Т. 2. S. 20-21.

⁷⁴ [*Ко³ aczkowski K.*]. Op. cit. Ks. 1. S. 22. Нельзя за чистую монету принимать воспоминания поляков о том, что они готовы были «на завоевание Луны» и боялись только одного, что русские слишком быстро заключат мир. См.: *Соколов О.В.* Указ. соч. С. 399

⁷⁵ Сб. РИО. Т. 128. С. 309.

⁷⁶ *Sokolnicki M.* Op. cit. S. 226-231; *Bielecki R.* Berezyna 1812. Warszawa, 1990. S. .217. Тем не менее русское командование учитывало, что именно польские проводники, курьеры и переводчики облегчали движение Великой армии.

⁷⁷ *Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона. М., 2000. С. 322.

⁷⁸ М.И. Платов — П.И.Багратиону 27 июня // 1812-1814 годы. М., 1992. С. 59.

⁷⁹ *Дрейлинг И.Р.* Воспоминания участника войны 1812 г. // 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. Из собрания Отдела письменных источников Гос. Исторического музея. М., 1991. С. 370; *Харкевич В.* Действия Платова... С. 15—17.

⁸⁰ *Staszewski J.* Wakie kawalerejskie pod Mirem i Komarowem 1812 r. Poznac, 1934. S. 51, 60; *Dembinski H.* Op. cit. S. 103.

⁸¹ Н.Н. Раевский — С.А. Раевской 28 июня и 29 июля 1812 г.// 1812-1814 годы. М., 1992. С. 70.

⁸² А.Е Чарторыжский — Александру I 4/16 августа 1812 г. из Карлсбада // Беседы и частная переписка... С. 303.

⁸³ Из воспоминаний Н.И. Андреева // Русский архив. 1879. Кн. 3. С. 184.

⁸⁴ *Харкевич В.* 1812 год в дневниках... Вып. 2. С. 8.

⁸⁵ *Глинка Ф. Н.* Сочинения. М., 1986. С.228.

⁸⁶ Курьер Литовский. 1812. № 75. Сб. РИО. Т. 128. С. 320.

⁸⁷ *Соколов О.В.* Указ. соч. С. 294

⁸⁸ *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. Т. 2. S. 96-97.

⁸⁹ Там же. С. 131

⁹⁰ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 114.

⁹¹ *Kukiel M.* Jazda polska nad Moskowa. Poznań, 1919. S. 36; *Idem* Wojna 1812 roku. Т. 2. S. 176; *Земцов В. Н.* Битва при Москве-реке. М., С. 36-37.

- ⁹² *Рязанов А. М.* Кирасиры в Щевардинском бою // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VI Всерос. науч. конф. Бородино, 1998. С. 145.
- ⁹³ *Земцов В.Н.* Указ. соч. С. 60.
- ⁹⁴ *Пеле Ж.Ж.* Московская битва // Бородино а воспоминаниях современников. СПб., 2001 С. 325; Из воспоминаний Л. Ф. Лежена// Там же. С. 58-60, 253; *Земцов В.Н.* Указ. соч. С. 58-60. 64
- ⁹⁵ *Земцов В.Н.* Указ. соч. С. 141,143; *Соколов О.В.* Указ. соч. С. 400.
- ⁹⁶ Из воспоминаний М. Комба // Бородино в воспоминаниях современников С. 268.
- ⁹⁷ Из записок командира 3-го кавалерийского корпуса К.А. Крейца// Бородино в воспоминаниях современников. С. 132—133.
- ⁹⁸ Описание сражении при селе Бородине... составленное К.Ф. Толем// Бородино в воспоминаниях современников». С. 48; *Kukiel M* Jazda polska nad Moskwa. S. 66.
- ⁹⁹ Бородино в воспоминаниях современников. С. 54; *Sokolnicki M.* Op. Cit. S. 231.
- ¹⁰⁰ *Бутурлин Д. П.* История нашествия императора Наполеона на Россию// Бородино в воспоминаниях современников. С. 311.
- ¹⁰¹ *Dembicki H.* Op. cit. S. 136–137.
- ¹⁰² *Чандлер Д.* Указ. соч. С. 127-128; .
- ¹⁰³ *Kukiel M* Jazda polska nad Moskwa. S. 88; *Kukiel M.* Wojna 1812roku. T. 2. S. 199.
- ¹⁰⁴ *Чандлер Д.* Указ. соч. С. 493; *Земцов В.Н.* Указ. соч. С. 15, 107.
- ¹⁰⁵ [*Ко³ aczkowski K.*]. Op. cit. Ks. 1. S. 126. «Ни песен, ни рассказов, унылое безмолвие... — вот, что представляло это поле!» См.: Из воспоминаний Ф. де Сегюра // Бородино в воспоминаниях современников. С. 245.
- ¹⁰⁶ Из записок В.Л. Левенштерна// Бородино в воспоминаниях современников. С. 73; Из воспоминаний П. А. Вяземского о1812 годе//Там же. С. 87; *Павлова Л. Я.* Декабристы — участники войны 1812— 14 гг. М., 1979. С. 40-41; *Захарова О.Ю.* «Я князь, коль мой сияет дух»: Страницы военной биографии генерал - фельдмаршал а князя М.С. Воронцоваю. М., 1997. С. 81.
- ¹⁰⁷ Сб. РИО. Т. 128. С. 377.
- ¹⁰⁸ *Kuźmian K. Z* ramiêtników Kajetana Kuźmiana. Lwów, 1891. Cz. 1. S. 245–247.
- ¹⁰⁹ Черепица В.Н. Г
- ¹¹⁰ *Черепица В.Н.* Гродненская губерния в 1812 г. в жизни и творчестве русских писателей //Отечественная война 1812 г. История. Памятники. Проблемы, Бородино, 1998. С. 209. *Коденкур А.* Указ. соч. С. 172–173; *Богданович М.* Указ. соч. Т. 3. С. 7.
- ¹¹¹ *Керсновский А. А.* История Русской армии. М., 1992. Т. 1. С. 258.
- ¹¹² *Dembicki H.* Op. cit. S. 173.
- ¹¹³ *Любецкий С.М.* Указ. соч. С. 212.
- ¹¹⁴ *Nieuważy A.* Op. cit. S. 101.
- ¹¹⁵ *Оленин А. П.* Рассказы из истории 1812г.// Рус. архив. 1 868. № 11. С. 1986.
- ¹¹⁶ *Харкевич В.* 1812 год в дневниках... Вып. 2. С. 5.
- ¹¹⁷ М.А. Волкова - В.И. Ланской 31 декабря 1812 г. // 1812 год в воспоминаниях, переписке... С.75.
- ¹¹⁸ Там же. С. 74; *Попов А. И.* Заблудившийся отряд // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1998. С. 130.
- ¹¹⁹ *Вяземский П.А.* «Журнал» 1812 года// 1812 год...: Военные дневники/ Сост. и вступ. ст. А. Г. Тартаковского. М., 1990. С. 221-222; *Раевский, А.Н.* Раевский, А.Л. Давыдов. В.Л. Давыдов — С.А. Раевский 23 октября 1812г. //1812-1814 годы. С. 229-230.
- ¹²⁰ *Богданович М.* Указ. соч. Т. 3. С. 117
- ¹²¹ *Флиз, де ла.* Указ. соч. С. 51,54.
- ¹²² [*Ко³ aczkowski K.*] Op. cit. Ks. 1. S. 144-145.
- ¹²³ Бригадный генерал-майор Ян Хлопицкий даже считал, что последняя битва Наполеона «была выиграна поляками». См.: *Bielecki R.* Op. cit. S. 216. 257.
- ¹²⁴ *Ibid.* S. 182–183; *Dembicki H.* Op. cit. S. 183.
- ¹²⁵ *Bielecki R.* Op. cit. S. 54, 215.
- ¹²⁶ *Zuch G.* Op. cit. S 126.
- ¹²⁷ *Соколов О.В.* Указ. соч. С. 407, 409, 535; *Bielecki R.* Op. cit. S. 162–163.
- ¹²⁸ *Соколов О.В.* Указ. соч. С. 199, 200–204, 210. Впрочем, количество польских пленнх (9569 нижних чинов на 60 тыс. поляков, вступивших в российские пределы) в процентном

отношении сопоставимо с количеством военнопленных Великой армии (100 тыс.), захваченных в 1812 г. См.: *Бессонов В.* ...Не считая шаромыжников: Численность военнопленных 1812 г. В России // *Родина*. 2002. № 8. С. 58–59.

¹²⁹ *Давыдов Д.В.* Военные записки. М., 1982. С. 242.

¹³⁰ Сб. РИО. Т. 128. С. 73.

¹³¹ *Давыдов Д.В.* Указ. соч. С. 241.

¹³² *Aszkenasy Sz.* *Księżę J. Poniatowski*. S. 239–240; *Sokolnicki M.* Op. cit. S. 234.

¹³³ *Nieuważny A.* Op. cit. S. 96.

¹³⁴ *Lukasiewicz M.* *Armia księcia Józefa*, 1813. Warszawa, 1986. S. 49.

¹³⁵ Там же. С. 49–51.

¹³⁶ Записки А.И. Антоновского // *Харкевич В.* 1812 год в дневниках... Т. 3. С. 3–4; Дневник А.Д. Черткова // 1812–1814 годы. М., 1992. С. 413, 416, 461.

¹³⁷ *Бессонов В.* Содержимие военнопленных Великой армии в 1813–1814 гг. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VIII Всерос. Науч. Конф. Можайск, 2000. С. 19.